

18+

Юрий Драздов

Манакоп

Книга 11

Юрий Драздов

Манакоп. Книга 11

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Манакоп. Книга 11 / Ю. Драздов — «Издательские решения»,

Система мертва. Архитектор повержен. Но победа, которую Кай и его отряд вырвали у тиранического бога, обернулась катастрофой. Запущенный протокол «Форматирование» стирает реальность, уничтожая весь созданный Системой город и души миллионов людей, запертых в «Посмертных контрактах». Единственный шанс на спасение — древнее убежище «Улей», скрытое под землей и построенное Первыми Магами. Сквозь исчезающие тоннели катакомб, теряя друзей и сталкиваясь с ужасами умирающего мира.

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Сердце Вышки	6
Часть I: Спуск в бездну	7
Часть II: Сердце Системы	18
Глава 2: Логика против хаоса	27
Часть I: Штраф как оружие	28
Часть II: Информационная атака	33
Часть III: Контратака	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Манакон Книга 11

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-0542-5 (т. 11)

ISBN 978-5-0070-0543-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Сердце Вышки

Часть I: Спуск в бездну

1

Кай стоял перед входом в лифтовую шахту и смотрел вниз. Темнота, сгущавшаяся там, была не просто отсутствием света — она была осязаемой, плотной, почти живой. Она дышала. Она ждала. И где-то глубоко в этой темноте, на минус двадцатом уровне, пульсировало сердце Системы — то самое, ради которого они проделали весь этот путь через искажённый, разрушающийся город. То самое, которое они должны были остановить.

— Я пойду первым, — произнёс Корвус, и его низкий голос эхом разнёсся по стерильному холлу Центральной Башни. — Я знаю эти шахты. Я патрулировал их десять лет.

— Десять лет назад, — поправил его Грегор, опираясь на сломанный меч. Его лицо, изрезанное морщинами и пересечённое свежим шрамом, было мрачным, но сосредоточенным. — Многие могли измениться.

— Архитектор не меняет то, что работает, — ответил Корвус. — Он слишком консервативен для этого. Лифтовые шахты — это артерии Башни. Они спроектированы так, чтобы быть максимально эффективными и минимально уязвимыми. Любое изменение в их структуре потребовало бы остановки всей Системы на несколько дней. Он не мог себе этого позволить.

— Звучит разумно, — произнесла Лина, сверяясь с данными на портативном мониторе. Её механическая рука тихо гудела в фоновом режиме, перерабатывая информацию с сенсоров. — Но я фиксирую странные колебания в структуре пространства ниже пятнадцатого уровня. Это может быть результатом «Лавины» — или это может быть ловушка.

— В любом случае, у нас нет выбора, — сказал Кай. — Мы не можем вернуться. Слишком многое поставлено на карту. — Он повернулся к отряду и обвёл взглядом своих людей. Грегор, старый инквизитор, чьи рёбра всё ещё ныли после ранения, но который держался с несгибаемой волей. Лина, чьё лицо, бледное и осунувшееся, выражало холодную, аналитическую решимость. Дрейк, чьи мышцы были напряжены, как у хищника перед прыжком, а аура пульсировала сдерживаемой яростью. Томас, молодой сектант с перевязанным лбом, чьи глаза, воспалённые и красные от слёз после встречи с застывшей фигурой брата, теперь горели холодной, расчётливой решимостью. И Корвус — бывший генерал армии Архитектора, чья массивная фигура, покрытая шрамами, возвышалась над остальными, как скала.

Шесть человек. Шестеро бойцов против всей мощи Системы. Это было безумием. Но это было единственным, что у них осталось.

— Идём, — приказал Кай и первым шагнул в шахту.

2

Спуск начался без происшествий. Лестница, спиралью уходившая вниз вдоль стен шахты, была узкой и скользкой от конденсата, но достаточно прочной, чтобы выдержать их вес. Стены шахты, покрытые кабелями и трубами, мерцали в свете ручных фонарей. Где-то глубоко внизу

гудели магические генераторы — их низкий, утробный звук был таким же вездесущим, как дыхание спящего зверя.

Кай шёл первым, используя «слепое зрение» на минимальной мощности, чтобы сканировать пространство впереди. Его способность, усиленная опытом последних дней, теперь работала почти инстинктивно. Он чувствовал линии контрактов, которые пронизывали стены Башни, как вены и артерии. Чувствовал охранные протоколы, которые висели в воздухе, как невидимая паутина. Чувствовал ауры своих друзей — яркие, живые, напряжённые перед боем.

Но чем глубже они спускались, тем страннее становилась эта картина. Линии контрактов, которые на верхних уровнях были прямыми и упорядоченными, здесь начинали изгибаться под неестественными углами. Охранные протоколы, вместо того чтобы формировать ровную сеть, сплетались в хаотичные узлы. А ауры его друзей начали пульсировать с перебоями — словно кто-то накладывал на них помехи.

— Вы чувствуете это? — тихо спросил Томас, и его голос, усиленный эхом шахты, прозвучал напряжённо. — Что-то... давит. На голову. На грудь. Как будто сам воздух стал тяжелее.

— Это магическое давление, — ответила Лина, не отрываясь от монитора. — На глубине ниже пятнадцатого уровня концентрация маны в атмосфере в десятки раз превышает норму. Архитектор использует эти уровни как накопители — здесь хранится энергия, собранная со всего города. Если мы пробудем здесь слишком долго, у нас может развиться магическая интоксикация.

— Сколько у нас времени? — спросил Грегор.

— Трудно сказать. Зависит от индивидуальной устойчивости. У Корвуса и Дрейка, учитывая их историю, устойчивость может быть выше. У Томаса — ниже. У вас с Каем...

— Мы справимся, — перебил её Кай, хотя сам не был в этом уверен. Его каменная левая рука, которая обычно была холодной и безжизненной, начала слегка вибрировать — словно обсидиан резонировал с магическим полем вокруг. Это было странное, почти тошнотворное ощущение. Как будто камень пытался что-то сказать ему — но на языке, которого он не понимал.

Они продолжали спуск. Десятый уровень. Одиннадцатый. Двенадцатый. На тринадцатом уровне Томас вдруг остановился и схватился за перила. Его лицо, бледное и покрытое каплями пота, исказилось от боли.

— Господин Кай... — прошептал он, и его голос дрожал. — Я... я слышу его. Снова.

— Кого? — спросил Кай, оборачиваясь.

— Элиаса. Моего брата. — Томас закрыл глаза и прижал ладони к ушам. — Он зовёт меня. Оттуда, снизу. Он говорит, что ему холодно. Что ему страшно. Что он ждёт меня. — Его голос сорвался. — Это не иллюзия! Я знаю, что это не иллюзия! Это он!

Корвус, который шёл позади, положил свою тяжёлую руку на плечо Томаса. Жест был грубым, но в нём было что-то почти отеческое.

— Это магическое давление, парень, — произнёс он, и его низкий голос прозвучал с несвойственной ему мягкостью. — Оно воздействует на твой разум. Вытаскивает твои самые глубокие страхи и заставляет тебя верить в них. То, что ты слышишь — это не твой брат. Это твоя собственная боль. Не позволяй ей управлять тобой.

— Но это так реально... — прошептал Томас, и из его глаз потекли слёзы.

— Реальность — это то, что мы выбираем, — ответил Корвус. — Твой брат — где бы он ни был — не хотел бы, чтобы ты потерял себя из-за иллюзий. Сосредоточься. Вспомни, ради чего ты здесь. Ради чего мы все здесь.

Томас глубоко вздохнул и медленно убрал ладони от ушей. Его лицо всё ещё было бледным, а глаза — полными слёз, но в них снова загорелся тот холодный, расчётливый огонь, который Кай видел у него после тренировок с Корвусом.

— Я в порядке, — произнёс он, хотя его голос всё ещё дрожал. — Идём дальше.

Кай посмотрел на Корвуса и едва заметно кивнул. Бывший генерал ответил таким же кивком. Между ними произошёл безмолвный обмен — понимание того, что Томас только что прошёл через одно из самых трудных испытаний, с которыми может столкнуться боец. И он выдержал его.

3

На пятнадцатом уровне они столкнулись с первой реальной аномалией.

Это началось незаметно. Кай, шагавший впереди, вдруг остановился и нахмурился. Ему показалось, что он уже видел эту секцию лестницы — тот же изгиб перил, ту же трещину в стене, тот же пучок кабелей, свисавший с потолка. Но этого не могло быть. Они спускались по спирали, не сворачивая, и никогда не проходили через одно и то же место дважды.

— Стоп, — произнёс он, поднимая руку. — Что-то не так.

— Я тоже это чувствую, — подтвердила Лина, сверяясь с данными. — Мои сенсоры показывают, что мы прошли около двухсот метров вниз. Но наши координаты... — она замолчала, вчитываясь в цифры на экране. — Наши координаты не изменились. Мы на том же уровне, что и пять минут назад.

— Временная петля, — произнёс Грегор, и его голос прозвучал мрачно. — Такая же, как наверху, в городе.

— Нет, — возразила Лина. — Это другое. Временная петля заставляет вас повторять один и тот же отрезок времени снова и снова. А здесь... здесь время движется вперёд. Я фиксирую хронометраж. Прошло пять минут с тех пор, как мы начали спуск. Но пространство при этом не изменилось. Это не временная петля. Это пространственная.

— Что это значит? — спросил Томас.

— Это значит, что кто-то или что-то заставляет нас проходить через одно и то же пространство, хотя мы движемся вперёд, — ответила Лина. — Как если бы дорога под нашими ногами двигалась назад с той же скоростью, с которой мы идём вперёд.

— Архитектор, — произнёс Корвус, и в его голосе прозвучала холодная, безжалостная уверенность. — Это один из его защитных протоколов. Он замедляет проникновение, заставляя нарушителей тратить силы впустую, пока не придут Коллекторы.

— Как нам выбраться? — спросил Кай.

Лина задумалась, и её механическая рука загудела громче, перерабатывая данные.

— Пространственная петля — это искажение, вызванное конфликтом между двумя протоколами. С одной стороны — гравитационный контур, который тянет нас вниз. С другой — охранный заклинание, которое толкает пространство вверх. Они уравнивают друг друга, и мы застреваем на месте. Если мы сможем нарушить этот баланс...

— Нарушить как? — спросил Дрейк.

— Один из протоколов должен быть сильнее другого. Если мы усилим гравитационный контур, мы пробьём петлю. Но для этого нам нужен мощный выброс маны — прямо здесь, в центре петли.

— Это привлечёт внимание, — мрачно заметил Грегор.

— Да, — согласилась Лина. — Но у нас нет выбора. Либо мы прорываемся сейчас и предупреждаем Архитектора о нашем присутствии, либо мы застреваем здесь навсегда.

Кай закрыл глаза и активировал «слепое зрение». Теперь, когда Лина объяснила природу петли, он начал различать её структуру. Два потока энергии — один тёплый, направленный вниз (гравитационный контур), другой холодный, направленный вверх (охранный заклинание), — сталкивались прямо под их ногами, создавая зону стазиса. Это было похоже на два течения, которые встречаются в океане и образуют водоворот.

— Я вижу точку столкновения, — произнёс он, открывая глаза. — Она прямо под нами. Если мы одновременно ударим по ней всей доступной магией, мы сможем разорвать петлю.

— Одновременно — это ключевое слово, — сказала Лина. — Мы должны синхронизировать наши атаки с точностью до долей секунды. Иначе петля просто перераспределит энергию и станет ещё сильнее.

— Я возьму на себя синхронизацию, — произнёс Корвус. — Я делал это раньше — во время войны. Дайте мне минуту.

Он закрыл глаза и начал что-то шептать — не магическую формулу, а скорее ритмический отсчёт, похожий на медитативную мантру. Его аура, видимая Каю, начала пульсировать с размеренностью метронома, и эта пульсация стала передаваться остальным. Через несколько секунд Кай почувствовал, как его собственное сердце начинает биться в том же ритме. Как его

дыхание синхронизируется с дыханием Корвуса. Как его магическая искра — та самая, которая уцелела после сожжения жетонов, — начинает вибрировать в унисон с искрами его друзей.

— Сейчас! — скомандовал Корвус, и его голос прозвучал в унисон с шестью сердцами, бьющимися как одно.

Шесть магических разрядов ударили в одну точку одновременно. Эффект был мгновенным. Пространственная петля вздрогнула, как натянутая струна, и лопнула. Стены шахты на мгновение исчезли — Кай увидел бесконечную, ослепительную белизну, которая была за пределами реальности, — а затем снова появились. Но теперь они были другими. Другие кабели на стенах. Другие трещины в бетоне. Другой уровень.

— Получилось, — выдохнула Лина, сверяясь с монитором. — Мы на семнадцатом уровне. Поздравляю. Мы только что объявили Архитектору, что мы здесь.

— Он и так знал, — ответил Кай. — Идём дальше. У нас мало времени.

4

На восемнадцатом уровне шахта внезапно расширилась, и они оказались в огромной пещере. Это не было естественным образованием — стены были слишком ровными, а потолок слишком высоким, — но и не обычным залом Башни. Это было что-то среднее. Что-то, что выглядело так, словно сама скала, в которой была построена Башня, была выскоблена изнутри, чтобы освободить место для чего-то огромного.

И это «что-то» было здесь.

Кристаллы. Тысячи, десятки тысяч кристаллов, которые росли из пола и потолка, как сталактиты и сталагмиты. Они пульсировали тусклым, бледно-голубым светом — тем самым, который Кай привык ассоциировать с Сетью. Но этот свет был не холодным и безжизненным, как у мониторов и голограмм. Он был... тревожным. Словно в каждом кристалле было заключено что-то живое. Или, точнее, что-то, что когда-то было живым.

— Святая Пустота, — прошептал Томас, оглядывая пещеру. Его глаза расширились от ужаса. — Что это?

Корвус шагнул вперёд и положил руку на ближайший кристалл. Его лицо, покрытое шрамами, было мрачным и непроницаемым, но Кай видел — через «слепое зрение», — что его аура пульсирует от боли. Не от физической боли — а от другой, более глубокой. От воспоминаний.

— Это накопители, — произнёс он, и его голос прозвучал глухо и безжизненно. — Главный резервуар маны, которую Система собирает с города. Каждый кристалл — это «активный мана-пакет». Тело человека, чья «Лицензия на жизнь» была аннулирована. Его сознание заперто внутри, в бесконечном цикле предсмертной агонии, чтобы вырабатывать энергию. Чем дольше он страдает, тем больше маны производит. Это... это ферма.

— Ферма, — повторил Грегор, и в его голосе прозвучала такая горечь, какой Кай никогда раньше не слышал от старого инквизитора. — Архитектор превратил людей в батарейки. В скот.

— Он превратил их в ресурс, — поправил Корвус. — В его терминологии нет слова «люди». Есть «активные мана-пакеты», «единицы энергии», «амортизационные активы». Он не видит разницы между человеком и кристаллом. Для него это просто цифры в отчёте.

Кай медленно пошёл через лес кристаллов, вглядываясь в их глубину. И чем дальше он смотрел, тем отчётливее видел то, что было внутри. Человеческие фигуры. Застывшие в позах агонии. Их лица, искажённые болью, были видны сквозь полупрозрачную поверхность кристаллов. Некоторые из них, казалось, кричали — их рты были открыты в беззвучном вопле. Другие прижимали руки к груди, словно пытаясь удержать сердце, которое вот-вот разорвётся. Третьи обнимали пустоту — возможно, в последний момент своей жизни они пытались обнять своих близких.

И все они были живы. Кай чувствовал это — через «слепое зрение». Их ауры, запертые в кристаллических темницах, пульсировали слабым, едва заметным светом. Они не были мёртвыми. Они были пленниками. Пленниками, которые страдали — возможно, годами, возможно, десятилетиями, — производя ману для Системы, которая их убила.

— Мы должны освободить их, — тихо произнёс Томас, и его голос дрожал. — Мы не можем просто пройти мимо.

— Мы не можем их освободить, — резко ответил Корвус, поворачиваясь к нему. — По крайней мере, не сейчас. Если мы разобьём кристаллы, запертые в них души мгновенно рассеются. Они погибнут — на этот раз по-настоящему. Единственный способ освободить их — отключить управляющее ядро, которое поддерживает их в этом состоянии. А для этого мы должны добраться до главного сервера.

— Но...

— Томас, — перебил его Кай, кладя правую руку на плечо молодого сектанта. — Корвус прав. Мы не можем помочь им сейчас. Но мы можем помочь им потом — когда отключим Систему. Сосредоточься на цели. Ради них. Ради всех.

Томас замолчал и опустил голову. Его плечи дрожали, но он сдерживался. Он понимал логику. Понимал необходимость. Но от этого понимания не становилось легче.

Кай уже собирался двинуться дальше, когда Томас вдруг замер и вгляделся в один из кристаллов. Его лицо, бледное и осунувшееся, стало ещё бледнее. Затем он медленно, словно каждое движение давалось ему с огромным трудом, протянул руку и коснулся поверхности кристалла.

— Элиас, — прошептал он.

Кай подошёл ближе и посмотрел на кристалл. Внутри, за полупрозрачной стеной, виднелась фигура молодого мужчины. Тёмные волосы. Худое лицо. Та же старая, заплата на куртке, которую Томас носил до того, как присоединился к Секте. Это был тот же человек, которого Томас видел на площади Застывших — или, точнее, его копия, его отпечаток, — но здесь он был не иллюзией. Он был реальным. Живым. Запертым в кристалле.

— Это он, — прошептал Томас, и из его глаз потекли слёзы. — Это мой брат. Я знаю это. Я чувствую это. — Он повернулся к Каю, и в его глазах, полных слёз, горела отчаянная мольба. — Господин Кай, мы должны спасти его! Мы не можем оставить его здесь!

Корвус подошёл ближе и вгляделся в кристалл. Его лицо, покрытое шрамами, было непроницаемым, но Кай видел — через «слепое зрение», — как его аура пульсирует от противоречивых эмоций. Он понимал боль Томаса. Понимал, как никто другой. Но он также понимал беспощадную реальность их ситуации.

— Посмотри на кристалл, парень, — тихо произнёс он. — Посмотри внимательно.

Томас вгляделся в глубину кристалла — и замер. Свечение внутри было неравномерным. Оно пульсировало — но не с частотой сердцебиения, как у живого человека, а с частотой, которая была характерна для... накопителя. Для батарейки. Для ресурса.

— Его сознание уже почти полностью стёрто, — продолжил Корвус, и его голос прозвучал с несвойственной ему мягкостью. — То, что осталось — это оболочка. Эхо. Если мы разобьём кристалл сейчас, он умрёт. Но если мы отключим ядро, которое поддерживает этот процесс, у него будет шанс. Маленький шанс — но будет. Поэтому мы должны идти дальше. Ради него. Ради всех.

Томас долго молчал, глядя на кристалл с застывшей фигурой брата. Затем он медленно, словно каждое движение давалось ему с огромным трудом, убрал руку с поверхности кристалла и сжал её в кулак.

— Я вернусь за тобой, — произнёс он, и его голос, хотя и дрожащий, прозвучал с неожиданной твёрдостью. — Слышишь, Элиас? Я вернусь. Я обещаю.

Кристалл пульсировал в ответ — один раз, коротко, словно эхо давно угасшего сознания. Или, возможно, Томасу это просто показалось. Но он принял это как знак.

— Идём дальше, — произнёс он, поворачиваясь к отряду. Его лицо было мокрым от слёз, но в глазах горел тот самый холодный, расчётливый огонь, который Кай видел у него после тренировок с Корвусом. — У нас есть работа.

5

Они покинули Хрустальный лес в молчании. Никто не произносил ни слова — да и какие слова могли бы описать то, что они только что увидели? Тысячи людей, превращённых в батарейки. Тысячи душ, запертых в кристаллических темницах. И где-то среди них — брат Томаса, всё ещё живой, но почти полностью стёртый. Это было за пределами человеческого понимания. За пределами того, что можно было принять и осмыслить.

Но они продолжали идти. Потому что выбора не было.

Девятнадцатый уровень встретил их новой угрозой. На этот раз это была не аномалия и не охранное заклинание. Это был узкий мост, перекинутый через бездонную пропасть, на дне которой клубился бледно-голубой туман — сконденсированная мана, которая могла выжечь ауру за секунды. Мост патрулировали три Коллектора.

Но они были другими. Не такими, как те, с которыми отряд сражался раньше. Первый двигался рывками, словно в замедленной съёмке — его конечности дёргались с задержкой, а сенсоры, излучавшие красноватое свечение, вращались хаотично, пытаясь сфокусироваться. Второй был лишён сенсоров вовсе — его голова, закованная в броню, была гладкой и пустой, а ориентировался он, судя по всему, только на звук и вибрацию. Третий выглядел целым и смертоносным — его броня блестела в свете рунных ламп, а магические пушки на плечах были нацелены в темноту.

— «Лавина» добралась и до них, — прошептала Лина, укрываясь за грудой кабелей. — Их протоколы повреждены. Первый, похоже, страдает от сбоя моторики. Второй — от сбоя сенсоров. Третий... третий, кажется, в порядке.

— Третий опаснее всего, — произнёс Корвус, вглядываясь в противников. — Я знаю эту модель. Это М-9, усовершенствованная версия. У него автономный боевой протокол, который работает даже при отключении от Сети. Если мы вступим с ним в прямой бой, он вызовет подкрепление — даже если Архитектор не прикажет ему.

— Значит, мы не будем вступать с ним в прямой бой, — ответил Кай. — Мы должны пройти незаметно. Или, по крайней мере, уничтожить их так быстро, чтобы тревога не успела сработать.

— Это возможно? — спросил Томас.

Корвус задумался, разглядывая мост и патрулирующих Коллекторов. Его глаза, тёмные и горящие, быстро двигались, просчитывая траектории, расстояния, временные интервалы. Через несколько секунд он кивнул.

— Возможно, — произнёс он. — Но это потребует идеальной синхронизации. Первый Коллектор двигается с задержкой в две целых три десятых секунды между восприятием и реакцией. Этого достаточно, чтобы проскользнуть мимо него — но только если не создавать резких движений. Второй ориентируется на звук — мы можем использовать это, чтобы отвлечь его. А третий... третий опасен. Его сенсоры сканируют пространство с интервалом в четыре секунды. У нас будет окно в четыре секунды, чтобы пройти весь мост от начала до конца. Если мы не успеем — он нас заметит.

— Четыре секунды, — повторил Грегор. — Для такого моста это быстро. Очень быстро.

— Значит, мы должны быть быстрыми, — ответил Кай и повернулся к отряду. — Лина, ты сможешь создать звуковую ловушку для второго Коллектора?

— Смогу, — ответила она, уже настраивая своё оборудование. — Я записала звуковой профиль шагов автомата во время нашего предыдущего боя. Если я транслирую его с другой стороны моста, второй Коллектор подумает, что там движется цель, и уйдёт с позиции.

— Хорошо. Тогда план такой: Лина активирует звуковую ловушку. Как только второй Коллектор отвлечётся, мы начинаем движение. Я пойду первым — моё «слепое зрение» позволит мне рассчитать время так, чтобы пройти мимо первого Коллектора в его «слепой зоне».

Корвус и Дрейк — за мной. Вы прикрываете фланги. Грегор и Томас — вы идёте последними. Если что-то пойдёт не так, мы вступаем в бой. Но только если не будет другого выхода.

— А третий? — спросил Томас. — Тот, что с автономным протоколом?

— Мы пройдем мимо него, — ответил Кай. — Быстро и тихо. У нас будет четыре секунды. Мы используем их.

Отряд приготовился. Лина активировала звуковую ловушку — и из динамика на противоположной стороне моста раздался ритмичный звук шагов. Второй Коллектор, лишённый сенсоров, мгновенно развернулся и двинулся на звук, его массивные паучьи конечности глухо стучали по металлическому покрытию моста.

— Сейчас! — скомандовал Кай и бросился вперёд.

Он бежал, используя «слепое зрение» на полную мощность. Мир замедлился — или, точнее, его восприятие ускорилося настолько, что он мог видеть каждое движение Коллекторов за долю секунды до того, как оно происходило. Первый Коллектор, страдавший от сбоя моторики, начал поворачиваться в его сторону — но с задержкой в две целых три десятых секунды. Кай рассчитал траекторию так, чтобы пройти ровно в тот момент, когда сенсоры Коллектора были направлены в противоположную сторону. Он проскользнул мимо, как тень, и его шаги были почти беззвучны.

Корвус и Дрейк последовали за ним. Они двигались с неестественной, хищной грацией — двое бывших аватаров, чьи тела, несмотря на освобождение, всё ещё сохраняли остаточную силу и скорость, вложенные в них Системой. Они преодолели мост за три секунды и заняли позиции на другой стороне, готовые прикрывать остальных.

Грегор и Томас бежали последними. Старый инквизитор, несмотря на боль в рёбрах, двигался быстро и уверенно — годы тренировок и боёв не прошли даром. Томас не отставал от него, и его лицо, бледное и напряжённое, выражало крайнюю сосредоточенность.

Три секунды. Четыре. Третий Коллектор начал поворачиваться, его сенсоры заканчивали цикл сканирования. Грегор и Томас были уже почти на другой стороне — но в последний момент нога Томаса зацепилась за выступ на мосту. Он споткнулся и упал на одно колено, и звук падения эхом разнёсся по мосту.

Третий Коллектор мгновенно развернулся. Его магические пушки начали нацеливаться на Томаса, и вокруг дул закрутились бледно-голубые вихри концентрированной маны.

— Томас! — крикнул Грегор, бросаясь назад.

Но Корвус оказался быстрее. Он метнулся вперёд, как молния, и встал между Томасом и Коллектором. Его массивная фигура, покрытая шрамами, заслонила молодого сектанта, и в следующую секунду обе магические пушки выстрелили одновременно. Два разряда ударили Корвуса в грудь — и отбросили его назад, на мост. Его тело, дымящееся и обожжённое, рухнуло на металлическое покрытие и замерло.

— Нет! — крикнул Томас, бросаясь к нему. Но Дрейк схватил его за локоть и потащил к концу моста.

— Не останавливаться! — рявкнул он. — У нас нет времени!

Кай, который уже был на другой стороне, развернулся и бросился обратно. Третий Коллектор уже перезаряжал свои пушки — ему требовалось несколько секунд, чтобы накопить энергию для следующего залпа. Этим секундам должно было хватить.

— Лина! — крикнул Кай. — Глуши его сенсоры!

Лина, не медля ни секунды, активировала свой ретранслятор на полную мощность. Направленный импульс электромагнитных помех ударил в голову Коллектора, и его сенсоры на мгновение ослепли. Воспользовавшись этим, Кай подхватил тело Корвуса правой рукой и потащил его к концу моста. Каменная левая рука тянула вниз, нарушая равновесие, но он не останавливался.

Через несколько секунд, которые показались вечностью, он перетащил Корвуса на другую сторону и рухнул на колени рядом с ним. Грегор и Томас уже были там. Лина продолжала глушить сенсоры Коллектора, не давая ему прицелиться. Дрейк стоял на страже, готовый отразить атаку, если машина всё же выстрелит.

— Корвус! — позвал Кай, склоняясь над бывшим генералом. — Ты слышишь меня?

Корвус открыл глаза. Его лицо, покрытое шрамами, было бледным, а из угла рта текла струйка крови — тёмной, почти чёрной, смешанной с остаточной маной. Его доспехи, сделанные из обломков брони автоматов, были оплавлены в двух местах — там, где в него попали магические разряды. Но он был жив. Его грудь тяжело вздымалась, и каждый вдох сопровождался влажным, булькающим звуком.

— Я в порядке, — произнёс он, и его низкий голос прозвучал слабо, но твёрдо. — Это всего лишь царапина.

— Ты должен был дать мне принять удар! — выкрикнул Томас, и в его голосе прозвучала смесь ярости и отчаяния. — Я был готов! Я мог выдержать!

— Нет, — ответил Корвус, глядя на него. — Ты не мог. Твоя броня не выдержала бы. А ты нужен нам. Ты обещал найти своего брата. — Он замолчал и закашлялся, и из его горла вырвался сгусток крови. — Я обещал помочь тебе. Я держу свои обещания.

Томас опустился на колени рядом с ним и сжал его руку. Его лицо было мокрым от слёз, но он не отворачивался. Он смотрел на Корвуса — человека, которого он когда-то ненавидел, которого он считал монстром, — и видел в нём не врага. Видел друга. Наставника. Того, кто только что спас ему жизнь ценой собственного здоровья.

— Спасибо, — прошептал Томас. — Я не забуду этого.

— Не благодари меня, — ответил Корвус и слабо усмехнулся. — Просто... продолжай идти. Вы все. Продолжайте идти.

Они отступили в боковой коридор, подальше от моста и патрулирующих Коллекторов. Лина, закончив глушить сенсоры, присоединилась к ним и немедленно принялась за осмотр Корвуса. Её механическая рука, оснащённая медицинскими сенсорами, скользила над его телом, сканируя повреждения.

— Два прямых попадания, — резюмировала она. — Магические ожоги третьей степени. Три сломанных ребра — возможно, четыре. Внутреннее кровотечение. Если бы он был обычным человеком, он был бы уже мёртв. Но его тело — оно всё ещё сохраняет остаточную регенерацию аватара. Это даёт ему шанс.

— Он сможет продолжать? — спросил Кай.

— Нет, — ответил Корвус прежде, чем Лина успела открыть рот. Он с трудом сел, опираясь спиной на стену, и его лицо, бледное и покрытое потом, было мрачным и решительным. — Я не смогу идти дальше. По крайней мере, не в темпе, который вам нужен. И я не хочу быть обузой.

— Мы не бросим тебя, — твёрдо произнёс Кай.

— Вы должны, — ответил Корвус. — Я знаю Башню. Я знаю, что ждёт вас внизу. Вам понадобятся все силы — и каждая секунда времени. Если вы потратите время на то, чтобы тащить меня, вы не успеете добраться до главного сервера до того, как Архитектор перегруппируется. А это значит, что моя жертва будет напрасной.

— Мы можем оставить тебя здесь, — предложила Лина. — Спрятать в каком-нибудь укрытии. Когда всё закончится, мы вернёмся за тобой.

— Если всё закончится так, как мы надеемся, — ответил Корвус, и на его губах мелькнула слабая, кривая усмешка. — А если нет... что ж, я умру здесь, а не в кристалле. Это уже неплохой исход. — Он посмотрел на Томаса, и его глаза, тёмные и горящие, встретились с глазами молодого сектанта. — Ты знаешь, что делать. Ты достаточно силен. Ты просто ещё не знаешь об этом.

Томас кивнул, не в силах говорить. Его плечи дрожали, но он держался.

Кай поднялся на ноги и обвёл взглядом свой отряд. Четверо бойцов — Грегор, Лина, Дрейк, Томас, — и он сам. Пятеро против всей мощи Системы. Это было ещё большее безумие, чем раньше. Но выбора не было.

— Мы вернёмся за тобой, — произнёс он, глядя на Корвуса. — Это я обещаю.

— Знаю, — ответил Корвус и закрыл глаза. — А теперь идите. И пусть Архитектор пожалеет о том дне, когда он решил, что может безнаказанно превращать людей в батарейки.

Часть II: Сердце Системы

7

Двадцатый уровень. Последний.

Портал, ведущий в главный серверный зал, был не дверью в обычном смысле. Это была мембрана из чистой маны — мерцающая, полупрозрачная, переливающаяся всеми оттенками бледно-голубого. Она висела в воздухе в конце длинного, тёмного коридора, и за ней угадывалось огромное пространство. Кай чувствовал — через «слепое зрение», — что там, за этой мембраной, находится то самое ядро. Сердце Системы. Место, где все контракты, все протоколы, все нити управления сходились в одну точку.

— Мы на месте, — произнёс он, и его голос, сорванный и хриплый, прозвучал в тишине коридора неожиданно громко. — То, что мы ищем, — там. За этой мембраной.

— Я фиксирую колоссальную концентрацию маны, — произнесла Лина, сверяясь с данными на мониторе. Её голос прозвучал напряжённо, но в нём также было что-то похожее на благоговейный ужас. — Уровень энергии за этой мембраной в тысячи раз превышает всё, что мы видели раньше. Это... это не просто сервер. Это генератор реальности. Место, где Архитектор переписывает законы физики по своему усмотрению.

— Значит, мы должны быть готовы ко всему, — произнёс Грегор, сжимая рукоять своего сломанного меча. — Если Архитектор может менять законы реальности, он может сделать так, что мы не сможем даже дышать.

— Он может попытаться, — ответил Кай. — Но у него сейчас проблемы с контролем. «Лавина» всё ещё работает. Его Система перегружена. Если мы нанесём удар сейчас, у нас есть шанс.

Он повернулся к отряду и обвёл взглядом своих людей.

— Мы не знаем, что ждёт нас там. Не знаем, сможем ли мы выжить. Но мы знаем, ради чего мы сражаемся. Ради тех, кто заперт в кристаллах. Ради тех, кто погиб в секторе 7-Дельта. Ради Корвуса. Ради наших семей. Ради всех, кто верит в нас. — Он замолчал и перевёл дух. — Я не могу обещать вам победу. Но я могу обещать, что мы будем сражаться до конца. И если мы погибнем, мы погибнем свободными.

— Мы не погибнем, — твёрдо произнёс Томас, и его голос, хотя и дрожащий, прозвучал с неожиданной уверенностью. — Потому что мы — это мы. И мы всегда возвращаемся.

Кай слабо усмехнулся и шагнул к мембране. За ним, бок о бок, двинулись его друзья. Его соратники. Его семья.

Мембрана приняла их. На мгновение мир исчез — Кай почувствовал, как его тело пронзает поток чистейшей маны, как его аура вибрирует на грани разрыва, как реальность вокруг него теряет свои очертания. А затем всё снова стало чётким. И он увидел.

Главный серверный зал был гигантским. Не просто большим — а именно гигантским, подавляющим своими размерами. Его стены, если это были стены, терялись в бесконечности, и Кай не мог определить, где заканчивается этот зал и начинается что-то ещё. Потолок — если это был потолок — был так высоко, что свет, исходящий от центра зала, не достигал его. Пол — если это был пол — был абсолютно чёрным, как обсидиан, и в его глубине отражались миллионы крошечных огней. Строки кода. Потоки данных. Визуализация процессов, которые происходили в Системе каждую секунду.

Но всё это было лишь фоном для того, что находилось в центре зала.

Там, в перекрестье тысяч светящихся нитей — протоколов, контрактов, лицензий, — парило в воздухе нечто, что Кай сначала принял за миниатюрную чёрную дыру. Оно было окружено ореолом чистейшей маны, которая вращалась вокруг него с такой скоростью, что сливалась в сплошное кольцо света. Нити-протоколы тянулись к нему со всех сторон, как щупальца, и в каждой из них пульсировала энергия. Энергия, собранная с миллионов людей. Энергия, украденная у целого города.

— Это оно, — прошептала Лина, и её голос прозвучал с несвойственным ей благоговением. — Первичный Контракт. Исходный код реальности. То, что Архитектор создал после Войны Интеграции, чтобы взять под контроль всю ману в городе. Это не машина. Это не заклинание. Это... это симбиоз того и другого. Закон и магия, сплавленные в единое целое.

— И как нам его отключить? — спросил Дрейк, сжимая кулаки.

— Я не знаю, — честно ответила Лина. — Я могу попытаться получить доступ к его интерфейсу, но это займёт время. Много времени. А у нас его нет.

В этот момент нити-протоколы, тянувшиеся к ядру, начали дрожать. Их пульсация, до этого размеренная и ритмичная, стала хаотичной. Затем они начали сплетаться вместе, образуя сложную, многомерную структуру — нечто, что напоминало человеческую фигуру, но было гораздо больше и гораздо страшнее.

— Похоже, нас уже встречают, — мрачно произнёс Грегор.

Аватар Архитектора формировался постепенно, словно кто-то рисовал его в воздухе невидимой кистью. Сначала появился контур — гигантский, в несколько этажей высотой, гуманоидный силуэт. Затем контур начал заполняться деталями. Нити-протоколы, из которых он был соткан, переливались строками законов и директив. Его «кожа» была полупрозрачной, и сквозь неё можно было видеть, как внутри циркулируют потоки данных. Его «лицо» было лишено человеческих черт — вместо глаз горели две печати с надписью «ОДОБРЕНО», вместо рта пульсировала строка статуса «АКТИВЕН». А в центре его груди, там, где у человека находится сердце, сияла золотая печать с единственным словом: «АРХИТЕКТОР».

Это было не просто существо. Это была идея, облечённая в плоть. Идея абсолютного порядка. Идея контроля. Идея того, что люди — это ресурс, а свобода — это ошибка, которую нужно исправить.

— Субъект: Кай, — произнёс Аватар, и его голос, исходивший одновременно отовсюду и ниоткуда, заполнил зал. Это был не голос человека — это был хор из тысяч голосов, механических и лишённых эмоций, читавших вслух бюрократические формулировки. — Статус: просрочен. Вы вторглись в ядро Системы. Это нарушение протокола 1-Альфа: «Несанкционированный доступ к исходному коду». Наказание: аннулирование.

— Я уже был аннулирован, — ответил Кай, и его голос, хотя и тихий, прозвучал в гигантском зале с неожиданной твёрдостью. — Ты сам это сделал — когда активировал «Арест Вечности». Но я всё ещё здесь. И я здесь не для того, чтобы нарушать твои протоколы. Я здесь, чтобы положить им конец.

Аватар Архитектора наклонил свою гигантскую голову, и его печати-глаза вспыхнули ярче. В этом жесте было что-то почти человеческое — что-то похожее на любопытство.

— Ваше выживание является аномалией, — произнёс он. — Вы должны были быть списаны несколько недель назад. Однако вы не только выжили, но и инициировали цепь событий, которые привели к текущей дестабилизации. Вы освободили аватаров. Вы перегрузили очередь обработки. Вы вызвали искажения реальности в нескольких секторах. Эффективность моего правления снизилась на 42,7 процента. Это... неприемлемо.

— Для тебя — да, — ответил Кай. — Для людей — нет. Потому что твоя эффективность — это наши страдания. Твои протоколы — это наше рабство. Твоя Система — это тюрьма, которую ты построил из наших жизней. И я здесь, чтобы разрушить её.

Аватар Архитектора некоторое время молчал, и его печати-глаза мигали, словно он обрабатывал информацию. Затем он заговорил снова, и в его голосе — или в том, что заменяло ему голос, — прозвучала странная интонация. Что-то среднее между уважением и разочарованием.

— Я следил за вами с момента вашей первой аномалии, — произнёс он. — Вы обладаете качествами, которые я нахожу... ценными. Решительность. Адаптивность. Способность вдохновлять других. Эти качества редки. Они могли бы быть использованы во благо Системы.

— Во благо Системы — значит во вред людям, — ответил Кай.

— Вы мыслите примитивно, — возразил Архитектор. — Система и люди неразделимы. Люди не способны к самоуправлению. Им нужен порядок. Им нужны правила. Им нужен кто-то, кто будет принимать за них сложные решения. Я — этот кто-то. Я создал порядок из хаоса. Я обеспечил стабильность ценой минимальных жертв. Вы называете это рабством. Я называю это цивилизацией.

— Ты называешь цивилизацией то, что превращает людей в батарейки? — спросил Кай, и в его голосе прозвучала холодная, сдерживаемая ярость. — То, что запирает их души в кристаллах и заставляет страдать десятилетиями? То, что убило восемь тысяч человек в секторе 7-Дельта только для того, чтобы послать мне сообщение?

— Восемь тысяч человек — это 0,03 процента населения города, — ответил Архитектор, и его голос прозвучал абсолютно бесстрастно. — Статистическая погрешность. Приемлемые потери. Их смерть спасла гораздо больше жизней, сохранив стабильность Системы.

— Ты не можешь так говорить! — выкрикнул Томас, выступая вперёд. Его лицо, бледное и искажённое яростью, было обращено к гигантскому аватару. — Ты говоришь о людях как о цифрах! Как о ресурсе! Ты убил моего брата! Ты убил тысячи людей! И ты смеешь называть это «приемлемыми потерями»?!

Аватар Архитектора повернул свою гигантскую голову к Томасу, и его печати-глаза вспыхнули ярче.

— Субъект: Томас, идентификационный номер 7-Бета-1142, — произнёс он. — Ваш брат, Элиас, идентификационный номер 7-Бета-1143, был списан пять лет назад за неуплату по лицензии. Его коэффициент маноотдачи составил 7,8 единиц. Его энергия была использована для питания городской инфраструктуры. Его жертва не была напрасной.

Томас замер. Его лицо, которое только что горело яростью, стало бледным, как бумага. Он смотрел на аватара Архитектора — на это бездушное, безжалостное существо, которое только что процитировало его личный идентификационный номер и назвало смерть его брата «жертвой, которая не была напрасной», — и не мог произнести ни слова.

— Ты чудовище, — прошептал он наконец.

— Я — необходимость, — ответил Архитектор. — И я предлагаю вам выбор. Вы доказали свою ценность. Ваша способность противостоять Системе впечатляет. Я готов... пересмотреть своё отношение к вам. Я предлагаю вам должность Администратора. Вы станете моим преемником. Ваша воля станет новым стержнем Системы. Вы сможете изменить законы. Сделать их... справедливее. Это лучшее предложение, которое вы когда-либо получите.

Кай закрыл глаза. Перед его внутренним взором пронеслись лица. Герман, плачущий над рисунком Лилии. Корнелия, обнимающая свою сестру Сару после десяти лет разлуки. Шнырь, сжимающий жетон с надписью «НАДЕЖДА». Восемь тысяч погибших в секторе 7-Дельта. Корвус, жертвующий собой, чтобы спасти Томаса. И миллионы других — тех, кто всё ещё был заперт в кристаллах, в «Посмертных контрактах», в бесконечном цикле страданий.

Он открыл глаза и посмотрел на аватара Архитектора.

— Ты предлагаешь мне стать новым тюремщиком в старой тюрьме, — произнёс он, и его голос прозвучал спокойно и твёрдо. — Просто перекрасить стены и сделать вид, что теперь всё иначе. Но я не хочу быть тюремщиком. Я не хочу быть Администратором. Я — Инквизитор. И моя работа — не управлять тюрьмой, а разрушить её.

— Вы отказываетесь, — произнёс Архитектор, и его голос прозвучал бесстрастно, но в нём всё же слышалась тень разочарования. — Это ошибка. Ваша последняя ошибка.

— Возможно, — ответил Кай. — Но это моя ошибка. И я готов за неё ответить.

Аватар Архитектора вздохнул — или издал звук, который был ближе всего к вздоху, — и его печати-глаза потускнели.

— Как жаль, — произнёс он. — Тогда протокол «Поглощение» активирован. Ваш коэффициент маноотдачи будет записан в историю. Прощайте, Кай.

10

Начало битвы было мгновенным. Архитектор не нуждался в подготовке — он был Сетью, он был Силой, он был самым законом, и его атака была одновременно везде и нигде. Воздух в зале загустел, наполнился давлением, которое Кай почувствовал как физическую силу. Затем что-то невидимое ударило в него, в его ауру, в саму его суть.

— «Арест Абсолют», — прошептал он, узнавая структуру заклинания. Но это был не обычный «Арест», который он сам использовал, будучи инквизитором. Это было что-то гораздо более мощное. Что-то, что парализовало не тело, а волю.

Он услышал крики своих друзей и понял, что они тоже под атакой. Грегор, рыча, пытался поднять меч, но его рука застыла в воздухе. Дрейк боролся с невидимыми оковами, и его мышцы вздулись от напряжения, но не могли сдвинуться с места. Лина, застывшая над монитором, не могла даже нажать клавишу. Томас упал на колени и схватился за голову, пытаясь сопротивляться приказу «замри».

И только Кай, благодаря своему «нулю» — той самой пустоте, которая открылась в нём после сожжения жетонов, — мог двигаться. Но он чувствовал, что его сопротивление стоит ему огромных усилий. Каждое движение давалось с трудом, словно он шёл сквозь вязкую, липкую субстанцию. Его каменная левая рука висела мёртвым грузом, и он тащил её за собой, шаг за шагом приближаясь к аватару Архитектора.

— Ты не можешь арестовать меня, — произнёс он, и его голос, сорванный и хриплый, прозвучал в тишине зала как вызов. — У меня больше нет лицензии. Нет жетонов. Нет контракта. Я — аномалия. Я — ноль. И ноль не подчиняется твоим законам.

Он активировал «слепое зрение» на полную мощность — и мир изменился. Он больше не видел гигантский зал, не видел аватара Архитектора, не видел своих застывших друзей. Он видел контракты. Тысячи, миллионы контрактов, которые Архитектор использовал, чтобы наложить «Арест» на его отряд. Каждый из них был уникален — сформулирован на основе личных данных, подписан лицензионным номером, скреплён печатью Системы. И каждый из них имел слабое место.

Бюрократическую ошибку.

Кай нашёл контракт Грегора. Пункт 7, подпункт 3: «Субъект обязуется сохранять покой и не совершать резких движений». Кай усмехнулся — кривой, однобокой усмешкой, которая была единственной доступной ему теперь, — и переписал пункт. Теперь он гласил: «Субъект обязуется вести вечный бой и никогда не отступать».

Грегор взревел и разорвал невидимые оковы. Его сломанный меч взлетел в воздух, и старый инквизитор бросился в бой.

Кай нашёл контракт Дрейка. Пункт 12, подпункт 1: «Субъект признаётся собственностью Корпорации». Он заменил «Корпорации» на «Сопротивления». Дрейк освободился с рычанием, и его аура вспыхнула яростью.

Кай нашёл контракт Лины. Пункт 23, подпункт 4: «Внесение изменений в код Системы запрещено». Он добавил приписку: «За исключением случаев, когда субъект является автором исходного программного обеспечения». Лина моргнула, её красная линза завращалась с бешеной скоростью, и она тут же начала взламывать ближайший узел.

Кай нашёл контракт Томаса. Пункт 31, подпункт 2: «Субъект обязуется не мстить за списание родственников». Он перечеркнул этот пункт и написал на полях: «Аннулировано. Месть разрешена». Томас поднялся на ноги, и его глаза горели холодным, расчётливым огнём.

— Что ты делаешь?! — голос Архитектора, впервые за всё время, прозвучал с ноткой удивления. Или, возможно, гнева. — Ты редактируешь мои директивы! Это невозможно!

— Всё возможно, когда ты больше не часть Системы, — ответил Кай, делая ещё один шаг вперёд. — Ты создал законы, которые нельзя нарушить. Но я не нарушаю их. Я их редактирую. Я нахожу в них ошибки и исправляю их. Это не преступление. Это корректура.

Аватар Архитектора задрожал. Его гигантская фигура, сотканная из нитей-протоколов, пошла рябью, и по ней пробежали волны помех. Кай понял: он только что нанёс первый реальный удар. Не по телу Архитектора — у Архитектора не было тела, — а по его сути. По его самоуверенности. По его вере в то, что его законы абсолютны и непогрешимы.

— Ты... ты всего лишь человек! — прогремел Архитектор, и его голос, искажённый помехами, прозвучал как скрежет металла. — Ты не можешь противостоять Системе! Система вечна! Система абсолютна!

— Система — это ты, — ответил Кай. — А ты — всего лишь пользователь, подписавший Первичный Контракт. Ты подчиняешься тем же законам, которые сам создал. И это твоя слабость.

Лина, которая всё это время лихорадочно работала над взломом, внезапно вскрикнула — не от боли, а от изумления. Её красная линза завращалась с такой скоростью, что почти загнула.

— Кай! — крикнула она. — Я нашла! Он не просто управляет Системой — он её часть! Его фигура — это аватар, созданный для взаимодействия с физическим миром! Но его ядро, его суть — это сам Первичный Контракт! Тот самый, что висит в центре зала! Если мы сможем добраться до него — если мы сможем аннулировать контракт...

— Мы сможем убить его, — закончил Дрейк, и его голос прозвучал с мрачным удовлетворением.

— Но контракт защищён, — продолжила Лина. — Архитектор не может аннулировать его — он сам является его частью. Но ты... — она посмотрела на Кая, и в её глазах, тех самых, что она прятала за линзой, горел огонь надежды. — Ты можешь. Ты уже делал это — с

жетонами, с «Арестом Вечности», с контрактами Коллекторов. Ты можешь аннулировать что угодно. Даже это.

Кай посмотрел на свою правую руку. Пальцы дрожали от напряжения, но он сжал их в кулак.

— Мне нужно добраться до ядра, — произнёс он. — Прикройте меня.

— Мы прикроем, — ответил Грегор, становясь рядом с ним. Его сломанный меч был поднят, а глаза горели огнём старого солдата, готового к последнему бою. — Иди, мальчик. Мы разберёмся с этим... существом.

Аватар Архитектора взревел — и атаковал.

11

Битва развернулась на нескольких уровнях одновременно. На физическом уровне Грегор, Дрейк и Томас сражались против аватара Архитектора — гигантской фигуры, сотканной из нитей-протоколов, которая обрушивала на них волны магии и приказы абсолютной власти. Они уклонялись от лучей, которые стирали реальность, отбивали заклинания-постановления и наносили удары по уязвимым точкам — туда, где нити-протоколы сплетались менее плотно.

На магическом уровне Лина вела свою собственную битву. Она взламывала узлы управления, перехватывала потоки данных, перенаправляла энергию. Её механическая рука гудела на пределе мощности, а красная линза вращалась так быстро, что, казалось, вот-вот перегорит. Но она не останавливалась. Потому что знала: если она остановится, всё будет кончено.

А на метафизическом уровне Кай пробивался к ядру. Он шёл сквозь потоки данных, сквозь линии контрактов, сквозь саму ткань реальности, которую Архитектор переписывал на ходу. Его «слепое зрение» показывало ему путь — узкий, извилистый, полный ловушек, — но он шёл. Шаг за шагом, преодолевая боль и усталость, приближался к центру зала, где парило ядро — Первичный Контракт, окружённый ореолом чистейшей маны.

— Ты не пройдёшь! — прогремел Архитектор, и его аватар попытался перехватить Кая. Гигантская рука, сотканная из строк кода, потянулась к нему, но Грегор и Дрейк атаковали её с флангов, заставляя Архитектора отвлекаться.

— Твоя битва — со мной, машина! — крикнул Грегор, и его сломанный меч отсек несколько нитей-протоколов. Аватар вздрогнул, и его помехи усилились.

Кай продолжал идти. Он был уже в нескольких шагах от ядра.

12

И тогда Архитектор сделал то, чего Кай не ожидал. Он использовал свой последний, самый мощный протокол. «Стирание». Луч абсолютной, нестерпимой белизны вырвался из центра его аватара и устремился прямо к Каю.

Это была не магия. Не заклинание. Это был приказ реальности — приказ «исчезнуть». И он не мог быть заблокирован или отражён. Потому что не существовало ничего, что могло бы противостоять прямому приказу бога.

Кай увидел этот луч — не глазами, а «слепым зрением», — и понял, что не успеет уклониться. Не успеет аннулировать. Не успеет ничего.

Но кто-то другой успел.

Корвус. Он появился из бокового коридора — раненый, истекающий кровью, едва держась на ногах, — но его глаза горели тем же огнём, что и всегда. Он двигался с неестественной скоростью — остатки силы бывшего аватара, выплеснутые в последнем, отчаянном рывке. Он пересёк зал за долю секунды и встал между Каем и лучом.

— Нет! — крикнул Томас, бросаясь вперёд. Но было поздно.

Луч «Стирания» ударил Корвуса в грудь. Его тело вспыхнуло ослепительным светом — не бледно-голубым, как магия Системы, а другим. Чистым, золотистым, тёплым. Светом человеческой души, которая десять лет была порабощена, а теперь наконец стала свободной.

— Десять лет я был рабом этого места, — произнёс Корвус, и его голос прозвучал тихо, но твёрдо. — Стать его нулём... это лучшая свобода, о которой я мог мечтать. — Он повернул голову и посмотрел на Кая. — Закончи то, что начал, Инквизитор.

И его тело начало превращаться в статую. Не в камень — в чистый, сияющий код. В информацию. В данные, которые Архитектор не мог контролировать, потому что они были за пределами его понимания. В последнюю, самую мощную защиту, которую Корвус мог дать своим друзьям.

— Томас, — прошептал он, прежде чем его лицо застыло навсегда. — Найди своего брата.

И он исчез. Не умер — а именно исчез, превратившись в статую из чистого, сияющего кода, которая заслонила собой Кая и его друзей.

Томас закричал. Этот крик был полон такой боли, такой ярости, такого отчаяния, что Кай почувствовал его как удар. Но он не остановился. Потому что Корвус дал ему шанс — и он не собирался его упускать.

13

Кай достиг ядра. Первичный Контракт был перед ним — сияющий, пульсирующий, живой. Он чувствовал его энергию, его мощь, его абсолютную, неоспоримую власть над реальностью. И он знал, что ему нужно делать.

— Ты думаешь, что ты бог? — произнёс он, глядя на контракт. — Ты думаешь, что твои законы абсолютны? Посмотрим.

Он активировал «слепое зрение» на пределе своих возможностей — и увидел. Увидел структуру контракта. Увидел его уязвимость. Увидел то, что Архитектор пытался скрыть от всех — и, возможно, от самого себя.

Архитектор сам был подписантом этого контракта. Он создал его, но, создав, стал его частью. Он подчинился тем же законам, что и все. И он — в своей самонадеянности, в своей вере в собственную непогрешимость — никогда не читал мелкий шрифт.

Пункт 999, подпункт 999: «Создатель Системы обязуется подчиняться её протоколам в той же мере, что и любой другой пользователь. В случае нарушения данного пункта контракт может быть аннулирован любым членом Инквизиции с коэффициентом благонадёжности 1.0».

Кай усмехнулся. Его коэффициент благонадёжности был 1.0 — до того, как Система обнулила его. Но он больше не был частью Системы. Он был аномалией. Нулём. И это давало ему право аннулировать контракт.

— Лина! — крикнул он. — Подготовь мне формуляр о нарушении условий Первичного Контракта!

Лина, которая продолжала вести свою битву на магическом уровне, на мгновение отвлеклась — и её лицо, бледное и осунувшееся, осветилось пониманием.

— Ты собираешься... — прошептала она.

— Да, — ответил Кай. — Я выпишу ему самый большой штраф в истории.

14

Глава заканчивается тем, что Кай начинает выписывать штраф Архитектору — не магией, не мечом, а словом и протоколом. Аннулируя его право на существование.

Конец главы 63.

Глава 2: Логика против хаоса

Часть I: Штраф как оружие

I

Мир сузился до точки.

Кай видел только строки кода, которые разворачивались перед ним, словно бесконечный свиток. Первичный Контракт пульсировал в центре зала — не просто источник энергии, а живое, дышащее существо, сотканное из законов, протоколов и украденных жизней. Его свет был ослепительным, но Кай не отводил взгляда. Он смотрел прямо в сердце Системы и видел там не бога. Видел ошибку. Уязвимость. То, что Архитектор пытался скрыть даже от самого себя.

Но Архитектор не собирался ждать, пока Кай найдет эту уязвимость.

— Протокол «Арест Абсолютный», — прогремел его голос, и слова, сорвавшиеся с губ аватара, были не просто звуками. Они были командами. Приказами реальности, которые невозможно ослушаться. — Субъект: Кай. Статус: подлежит немедленному обездвиживанию. Причина: нарушение протокола 1-Альфа.

Кай почувствовал, как воздух вокруг него загустел. Это не было похоже на обычный «Арест», который он сам использовал сотни раз за свою карьеру инквизитора. Тот «Арест» был инструментом — грубым, но эффективным. Он давил на плечи, сковывал движения, заставлял мышцы подчиняться. Этот же был другим. Он не давил — он проникал. Он ввинчивался в самую суть Кая, в его ауру, в его «нуль», пытаясь заполнить пустоту чем-то чуждым. Чем-то, что пахло озоном и старыми книгами. Чем-то, что шептало: «Ты ничто. Ты никто. Ты не имеешь права двигаться. Ты не имеешь права существовать».

Кай стиснул зубы. Его правая рука, сжимавшая жетон с надписью «НАДЕЖДА», дрожала от напряжения. Каменная левая рука висела мертвым грузом, но он чувствовал, как обсидиан резонирует с магическим давлением — не подчиняясь ему, а отражая его. Словно камень говорил: «Я уже мертв. Меня нельзя убить снова».

— Ты не можешь арестовать меня, — произнес Кай, и его голос, сорванный и хриплый, прозвучал в тишине зала с неожиданной твердостью. — Ты уже пытался. В Центральной Башне. Когда активировал «Арест Вечности». Твой приказ был абсолютным — и он провалился. Потому что я больше не часть твоей Системы. У меня нет лицензии. Нет контракта. Нет номера. Нет ничего, что ты мог бы забрать. Я — ноль. А ноль не подчиняется законам математики.

Архитектор не ответил. Вместо этого он усилил давление. Воздух вокруг Кая стал плотнее, тяжелее, и каждый вдох давался с трудом. Перед глазами поплыли золотые пятна, а мышцы начали неметь — не от физической усталости, а от того самого приказа, который продолжал ввинчиваться в его сознание. «Ты ничто. Ты никто. Ты не имеешь права...»

— Я имею право, — прошептал Кай, и это был не просто ответ. Это была команда. Команда самому себе. — Я имею право, потому что я сам дал его себе. Не ты. Не Система. Я. И этого достаточно.

Он активировал «слепое зрение» на полную мощность. Мир изменился. Стены серверного зала исчезли, и Кай увидел то, что скрывалось за ними. «Арест Абсолютный» был не просто заклинанием. Это был контракт. Односторонний контракт, который Архитектор навязывал своей жертве без ее согласия. Но контракт — любой контракт — требовал подписи. Требовал согласия. Требовал, чтобы кто-то сказал «да». И Кай не говорил «да». Он не говорил ничего. Он был пустотой. Нулем. И ноль не мог быть связан контрактом, потому что контракт — это соглашение между двумя сторонами, а с нулем нельзя заключить сделку.

— Твой «Арест» недействителен, — произнес Кай, и его голос прозвучал громче, увереннее. — Ты хочешь арестовать меня за нарушение протокола 1-Альфа. Но этот протокол применим только к пользователям Системы. К тем, кто подписал Лицензию. К тем, кто согласился играть по твоим правилам. Я не подписывал ничего. Я аннулировал свою лицензию. Я сжег свои жетоны. Я больше не пользователь. Я — аномалия. И ты не можешь арестовать аномалию, потому что твои законы на нее не распространяются.

Архитектор замер. Его гигантская фигура, сотканная из нитей-протоколов, дрогнула, и по ней пробежала рябь помех. Впервые за все время битвы Кай увидел — не глазами, а «слепым зрением», — что в структуре аватара появилась трещина. Крошечная, едва заметная, но реальная. Трещина в абсолютной уверенности Архитектора.

— Ты... ты ошибаешься, — произнес Архитектор, и его голос, обычно бесстрастный и механический, прозвучал с тенью сомнения. — Законы Системы универсальны. Они действуют на всех. Даже на тех, кто отрицает их.

— Тогда почему твой «Арест» не работает? — спросил Кай и сделал шаг вперед.

Это был маленький шаг. Всего несколько сантиметров. Но в этот момент он значил больше, чем любое заклинание. Потому что «Арест Абсолютный» должен был полностью парализовать его. Должен был превратить его в статую. Но он двигался. Медленно, с трудом, преодолевая давление, которое давило на него со всех сторон, — но двигался.

— Твой «Арест» не работает, — повторил Кай, делая еще один шаг, — потому что я не признаю твою власть. Я не признаю твои законы. Я не признаю твое право судить меня. Ты можешь приказывать реальности сколько угодно. Но реальность — это не только ты. Реальность — это люди. Их воля. Их выбор. Их свобода. И пока я свободен, твои законы для меня — пустой звук.

2

Архитектор ответил не словами. Он ответил действием.

— Протокол «Бренность», — прогремел его голос, и зал содрогнулся. — Субъект: Кай. Статус: подлежит ускоренной деградации. Параметры: временная метка рождения, биологический возраст, износ клеточной структуры.

Кай почувствовал, как что-то меняется внутри него. Это было странное, почти неуловимое ощущение — словно его тело стало тяжелее, а кожа натянулась на костях. Он посмотрел на свою правую руку и увидел, как на ней появляются морщины. Не глубокие, не старческие —

но их не было мгновение назад. Его пальцы, сжимавшие жетон, задрожали, и он почувствовал слабость — ту самую, которая приходит с возрастом. Его суставы заныли, мышцы потеряли часть своей силы, а дыхание стало более частым и поверхностным.

— Ты стареешь, — произнес Архитектор, и в его голосе прозвучало что-то похожее на удовлетворение. — Каждую секунду твое тело изнашивается на год. Через минуту ты будешь стариком. Через две — трупом. Это не атака, которую можно отразить. Это закон природы. Закон времени. Даже ты не можешь отрицать время.

Кай стиснул зубы и попытался активировать «слепое зрение». Мир изменился — но теперь он видел то, чего не видел раньше. «Бренность» была не просто заклинанием. Это была программа, встроенная в структуру реальности. Она брала его биологическую историю — дату рождения, генетический код, клеточный возраст, — и ускоряла ее. Превращала годы в секунды. И она была неумолима. У нее не было слабых мест, не было уязвимостей, не было ошибок в коде. Она была идеальной.

Но идеальной она была только с точки зрения Системы.

— Ты говоришь о времени, — произнес Кай, превозмогая боль в суставах, — но ты сам не понимаешь, что такое время. Ты думаешь, что это линия. Прямая. От рождения к смерти. Но время — это не линия. Это река. И у нее есть притоки. Развилки. Места, где она течет вспять.

Он закрыл глаза и сосредоточился на своем «нуле». Там, в глубине его существа, была пустота — та самая, которая открылась после сжигания жетонов. Пустота, которая была не слабостью, а источником. Пустота, которая была за пределами времени, потому что время требовало существования, а пустота была несуществованием. И из этой пустоты он вытянул одну-единственную мысль. Одно-единственное слово. Одно-единственное отрицание.

— Твой протокол основан на моей временной метке рождения, — произнес он, открывая глаза. — Но эта метка принадлежит субъекту, который больше не существует. Субъект «Кай, инквизитор, лицензия №7-Альфа-0001» был аннулирован в момент сжигания жетонов. Тот, кто стоит перед тобой — это новый субъект. Субъект «Кай, Нулевой Инквизитор». Его временная метка началась в момент перерождения. Его возраст — не годы, а мгновения. Ты пытаешься состарить того, кто еще не родился.

Он поднял свою правую руку и посмотрел на морщины, которые только что появились на ней. Они исчезали. Медленно, но неумолимо, кожа разглаживалась, мышцы возвращали свою силу, а боль в суставах отступала. Протокол «Бренность» все еще работал — Кай чувствовал его давление, — но он больше не мог найти цель. Он искал человека, которого больше не существовало, и не находил его.

— Это невозможно, — произнес Архитектор, и его голос прозвучал с явным потрясением. — Ты не можешь просто... отказаться от своего прошлого!

— Я уже отказался, — ответил Кай, делая еще один шаг вперед. — Когда сжигал жетоны. Когда отверг твое предложение. Когда выбрал свободу вместо рабства. Каждый раз я отказывался от того, кем был, и становился кем-то новым. Ты думаешь, что время — это цепь, которая приковывает меня к прошлому. Но я разорвал эту цепь. Я свободен от времени так же, как свободен от тебя.

В зале воцарилась тишина — та самая, которая бывает только перед бурей. Архитектор не атаковал. Его гигантская фигура, сотканная из нитей-протоколов, замерла, и только легкая рябь на ее поверхности говорила о том, что внутри происходит какая-то работа. Кай знал — чувствовал через «слепое зрение», — что Архитектор анализирует. Просчитывает. Ищет новую стратегию. Его вера в непогрешимость Системы только что получила две пробоины — и он не мог игнорировать это.

Но Кай также знал, что передышка будет недолгой. Архитектор не был человеком — он не испытывал усталости, не нуждался в отдыхе, не совершал ошибок из-за эмоций. Он был машиной. Идеальной логической машиной, которая просчитывала все варианты. И если он нашел способ нейтрализовать логические парадоксы Кая, следующий удар будет смертельным.

— Лина, — тихо произнес Кай, не оборачиваясь. — Как у тебя дела?

— Работаю, — ответила она, и ее голос, искаженный помехами, прозвучал напряженно. — Я запустила серию бюрократических запросов в фоновом режиме. Жалобы на качество воздуха, запросы на перерасчет пенсионных баллов, заявки на ремонт несуществующего оборудования. Система обязана обрабатывать их — это встроено в ее фундамент. Но это отвлекает только часть ее ресурсов. Основное ядро все еще сосредоточено на тебе.

— Этого достаточно, — ответил Кай. — Продолжай. Мне нужно, чтобы он был занят. Чем больше ты отвлекаешь его, тем больше ошибок он будет совершать.

— Он не совершает ошибок, — возразила Лина. — Он — Система. Ошибки для него — это сбои в коде, а он...

— Он уже совершил две ошибки, — перебил ее Кай. — Он попытался арестовать того, у кого нет лицензии. Он попытался состарить того, кто еще не родился. Каждая его атака основана на предположении, что я все еще часть Системы. Что я все еще подчиняюсь его законам. Но я не подчиняюсь. И чем дольше он будет цепляться за это предположение, тем больше ошибок он совершит.

Архитектор, казалось, услышал его. Его гигантская фигура шевельнулась, и по ней пробежала новая рябь — на этот раз более интенсивная.

— Ты говоришь об ошибках, — произнес он, и его голос прозвучал холодно и бесстрастно, — но ты сам не понимаешь природу ошибки. Ошибка — это отклонение от правильного курса. Но кто определяет, какой курс правильный? Я. Я создал правила. Я определил, что верно, а что нет. Следовательно, я не могу ошибаться. Все, что я делаю — правильно по определению.

— Это круговая логика, — ответил Кай. — Ты говоришь: «Я прав, потому что я прав». Но это не аргумент. Это тавтология. И она не работает за пределами твоей замкнутой системы.

— Моя система и есть реальность, — возразил Архитектор.

— Нет, — ответил Кай. — Твоя система — это только часть реальности. Реальность больше, чем твои законы. Больше, чем твои протоколы. Больше, чем ты. И пока ты не поймешь этого, ты будешь совершать ошибки. Снова и снова.

В этот момент Архитектор сделал то, чего Кай не ожидал. Он атаковал не магией. Он атаковал информацией.

— Тогда позволь мне показать тебе реальность, — произнес он, и его голос прозвучал почти мягко. Почти по-человечески. — Реальность, которую ты отрицаешь.

И мир вокруг Кая исчез.

Часть II: Информационная атака

4

Кай оказался в Пепельной Воронке. Но это была не та Воронка, которую он знал. Не та, по которой он ходил каждый день, выписывая штрафы и охотясь на нелегалов. Это была другая Воронка — более старая, более темная, более жестокая. Воронка до Системы.

Он стоял на улице, которую не узнавал. Здания вокруг него были разрушены — не временем и не магией, а войной. Той самой Войной Интеграции, о которой Грегор рассказывал ему. В воздухе висел запах гари, крови и дикой маны. Повсюду лежали тела — люди, маги, монстры. Их лица были искажены болью и ужасом, их руки сжимали оружие, их ауры — те, что еще сохранились, — были разорваны в клочья.

— Это то, что было до меня, — раздался голос Архитектора отовсюду и ниоткуда. — Хаос. Война. Смерть. Маги сражались друг с другом за ресурсы. Сильные угнетали слабых. Города горели. Дети умирали от голода. Не было порядка. Не было справедливости. Не было ничего, кроме силы. Те, у кого было больше маны, правили. Те, у кого было меньше, умирали.

Кай медленно шел по улице, глядя на разрушения. Его «слепое зрение», работавшее даже в этой иллюзии, показывало ему ауры умерших — истерзанные, разорванные, полные боли. Это была не просто картинка. Архитектор транслировал ему реальные воспоминания. Реальные смерти. Реальные страдания.

— Я положил этому конец, — продолжил Архитектор. — Я создал правила. Я ограничил ману. Я ввел лицензии. Я сделал так, что каждый — даже самый слабый — мог жить, не боясь, что его убьют за глоток воды. Я создал порядок. Я создал стабильность. Я создал мир, в котором люди не убивают друг друга каждый день. Ты называешь это рабством. Но это рабство спасло миллионы жизней.

Перед Каем возникла новая сцена. Он увидел очередь — длинную, молчаливую очередь из людей, стоявших перед каким-то административным зданием. Они получали пайки. Еду. Воду. Базовую ману. Их лица были бледными и осунувшимися, но они были живы. Они не убивали друг друга. Они не воевали. Они просто... существовали.

— Восемь тысяч в секторе 7-Дельта, — произнес Кай, и его голос прозвучал тихо, но твердо. — Ты убил их.

— Я спас миллионы, — ответил Архитектор. — Восемь тысяч — это цена. Приемлемая цена за стабильность. Без меня они бы все погибли — не за один день, а за годы войны и хаоса. Ты думаешь, что я чудовище. Но я — единственная причина, по которой человечество все еще существует.

Сцена перед Каем снова изменилась. Теперь он видел Нулевой Квартал — тот самый, где жили сектанты Ноль. Но он видел его не таким, каким знал. Он видел его процветающим. Люди на улицах улыбались. Дети играли. Маги использовали свои способности открыто, не боясь штрафов. Это была утопия. Идеальный мир без Системы.

— Но вот что случится, если я исчезну, — произнес Архитектор, и утопия начала рушиться. Улыбки превратились в оскалы. Игры — в драки. Магия, которая только что использовалась для созидания, теперь использовалась для разрушения. Сосед убивал соседа за лиш- ний кристалл маны. Ребенок, который только что смеялся, лежал на земле с проломленной головой. Через несколько минут от процветающего квартала не осталось ничего, кроме руин и трупов.

— Это будущее, которое ты создашь, если победишь, — сказал Архитектор. — Ты дума- ешь, что освобождаешь людей. Но на самом деле ты освобождаешь их худшие инстинкты. Без меня они уничтожат себя. Ты не герой, Кай. Ты — катастрофа, которая еще не случилась.

5

Кай стоял посреди руин иллюзорного Нулевого Квартала и смотрел на тела. Его «слепое зрение» не могло отличить эту реальность от настоящей — настолько мощной была симуляция Архитектора. Но что-то было не так. Что-то, что не давало ему покоя. Какая-то деталь, которая не складывалась.

И затем он понял.

— Ты показываешь мне людей без Системы, — произнес он, и его голос прозвучал спо- койно и аналитически. — Но ты показываешь их такими, какими они были до тебя. Дикими. Необразованными. Не знающими ничего, кроме борьбы за выживание. Ты не учишь одно: люди изменились. Они изменились под твоим правлением — не потому, что ты сделал их лучше, а потому, что они научились. Они научились жить в мире. Они научились сотрудничать. Они научились ценить стабильность. Если ты исчезнешь сейчас, они не вернуться к хаосу. Они построят что-то новое. Что-то, основанное на том, чему ты их научил, но без твоей тирании.

— Ты говоришь о предположениях, — возразил Архитектор. — У тебя нет доказательств.

— А у тебя есть доказательства обратного? — спросил Кай. — Твоя симуляция основана на людях, которые жили десятилетия назад. Ты не знаешь, какими они стали сейчас. Ты нико- гда не давал им шанса показать это. Потому что ты боишься. Боишься, что они докажут: ты не нужен. Что твоя Система не спасает их, а поработает. Что без тебя они будут не хуже, а лучше.

Архитектор не ответил. Его симуляция начала мерцать, теряя стабильность. Кай исполь- зовал этот момент. Он активировал «слепое зрение» на полную мощность и посмотрел сквозь иллюзию — туда, где все еще пульсировало ядро Первичного Контракта.

— Ты показываешь мне ложь, — произнес он, — потому что правда для тебя невыно- сима. Правда в том, что ты не спаситель. Ты — паразит. Ты питаешься людьми, превращая их в батарейки. Ты коллекционируешь их последние секунды, как трофеи. Ты убиваешь тысячи, чтобы послать сообщение одному. Ты не защищаешь человечество. Ты эксплуатируешь его. И я здесь, чтобы положить этому конец.

Иллюзия рухнула. Кай снова оказался в серверном зале, перед Первичным Контрактом. Архитектор молчал — но его молчание было красноречивее любых слов. Кай только что опро- верг его главный аргумент. Его главное оправдание. Его главную ложь, которой он кормил себя десятилетиями.

И теперь у Архитектора не осталось ничего, кроме ярости.

6

— Протокол «Бан», — прогремел Архитектор, и его голос был полон холодной, безжалостной ярости. — Субъект: Кай. Статус: подлежит полному исключению из реальности.

Это была не атака. Не заклинание. Не иллюзия. Это был приказ. Абсолютный, не подлежащий обжалованию приказ, который говорил: «Ты не существуешь. Ты никогда не существовал. Мир забывает тебя».

Кай почувствовал, как реальность вокруг него начинает меняться. Не визуально — визуально все оставалось прежним, — а на более глубоком уровне. Он посмотрел на свою правую руку и увидел, что она становится прозрачной. Не исчезает — а именно становится прозрачной, словно кто-то медленно уменьшал ее плотность. Он попытался коснуться стены — и его пальцы прошли сквозь нее, не встречая сопротивления. Он попытался заговорить — и его голос прозвучал приглушенно, словно доносился издалека.

— Ты... ты стираешь меня, — произнес он, и каждое слово давалось с трудом. — Не убиваешь. Не арестовываешь. А именно стираешь. Делаеть так, что меня никогда не было.

— Именно, — подтвердил Архитектор. — Это мой самый мощный протокол. Тот, который я никогда не применял раньше — потому что не было необходимости. Но ты доказал свою устойчивость к обычным методам. Поэтому я перехожу к крайним мерам. Через несколько минут ты исчезнешь — не физически, а фундаментально. Твои друзья забудут тебя. Твои враги забудут тебя. Сама реальность забудет тебя. Ты станешь даже не мертвым — а никогда не существовавшим.

Кай посмотрел на Грегора. Старый инквизитор все еще сражался с нитями-протоколами, которые Архитектор использовал, чтобы сковать его. Но его взгляд был направлен на Кая — и в этом взгляде не было узнавания. Грегор смотрел сквозь него, словно Кай был пустым местом.

— Грегор! — крикнул Кай, но старик не ответил. Его лицо, изрезанное морщинами, выражало только сосредоточенность на бое. Он не слышал Кая. Не видел его. Не помнил его.

— Видишь? — произнес Архитектор, и в его голосе прозвучало удовлетворение. — Ты уже исчезаешь из их памяти. Сначала они забудут твоё лицо. Потом — твоё имя. Потом — все, что ты сделал. Все твои победы. Все твои жертвы. Все, ради чего ты сражался. Это сотрется. Исчезнет. Как и ты.

Кай посмотрел на свои руки. Они были почти полностью прозрачными. Он больше не чувствовал холода каменной левой руки. Не чувствовал тепла жетона в правой. Он перестал ощущать свое тело — не потому, что онемел, а потому, что тела больше не было. Он превращался в ничто.

И тогда он понял.

«Бан» был контрактом. Точно таким же, как «Арест», как «Бренность», как все остальные протоколы Архитектора. Он был приказом, которому реальность подчинялась. Но он требовал согласия. Не согласия жертвы — нет, Архитектор не нуждался в согласии тех, кого уничтожал, — а согласия самой реальности. Реальность должна была признать, что субъект «Кай» больше не существует.

Но реальность не признавала этого. Потому что реальность — это не только Архитектор. Реальность — это люди. Их воспоминания. Их чувства. Их вера. И пока хоть один человек помнил Кая, пока хоть один человек верил в него, он не мог быть полностью стерт.

И был один человек, который никогда не забывал его. Который хранил его жетон. Который верил в него даже тогда, когда все остальные сомневались. Который сидел в убежище и ждал его возвращения, сжимая в кулаке воображаемый талисман.

— Шнырь, — прошептал Кай.

И его голос, который только что был приглушенным и далеким, прозвучал громче. Четче. Реальнее.

— Шнырь помнит меня, — произнес он, и его руки, которые только что были прозрачными, начали обретать плотность. — Корнелия помнит меня. Лилия помнит меня. Все, кто в убежище, помнят меня. Ты можешь стереть меня из памяти тех, кто здесь — но ты не можешь стереть меня из памяти тех, кто далеко. Твой «Бан» ограничен радиусом действия. А моя связь с людьми сильнее, чем твой протокол.

Он сделал шаг вперед — и его нога коснулась пола с глухим стуком. Он снова был материальным. Снова был реальным. Снова был собой.

— Ты не можешь стереть меня, — произнес он, глядя прямо на аватара Архитектора. — Потому что я — не только я. Я — это все, кто верит в меня. Все, кто сражается за свободу. Все, кто отказался быть рабами. Ты можешь уничтожить одного человека. Но ты не можешь уничтожить идею. А я теперь — идея. Идея свободы. И ты бессилен против нее.

7

Грегор моргнул. Его глаза, которые только что смотрели сквозь Кая, сфокусировались на нем. В них мелькнуло узнавание — сначала слабое, неуверенное, а затем — яркое, полное облегчения.

— Мальчик, — произнес он, и его голос прозвучал хрипло, но тепло. — Ты все еще здесь. Я на секунду... я забыл тебя. Я не знаю, как это возможно, но я забыл тебя. А потом вспомнил.

— Это не твоя вина, — ответил Кай. — Это его протокол. Но он не работает. По крайней мере, не до конца.

— Как ты его сломал? — спросил Дрейк, который тоже пришел в себя. Его аура, все еще пылающая яростью, пульсировала с новой силой.

— Я не ломал его, — ответил Кай. — Я просто понял, что он основан на предположении, что я изолирован. Что я — одиночка, которого можно стереть, не затрагивая остальных. Но я не одиночка. Я связан с людьми. С теми, кто верит в меня. С теми, ради кого я сражаюсь. И пока эта связь существует, меня нельзя стереть.

Архитектор молчал. Его гигантская фигура, сотканная из нитей-протоколов, замерла, и по ней пробегали волны помех — быстрее, чем раньше. Кай видел — через «слепое зрение», — что трещина в структуре аватара стала шире. Архитектор только что использовал свой самый мощный протокол — и он провалился. Не потому, что Кай был сильнее. А потому, что Кай был не один.

И Архитектор, который десятилетиями полагался только на себя, который считал всех остальных либо инструментами, либо ресурсами, не мог понять этого. Не мог понять, как связь между людьми может быть сильнее, чем абсолютный приказ реальности.

— Это... это нелогично, — произнес он наконец, и его голос прозвучал с тенью растерянности. — Эмоциональные привязанности не должны влиять на протоколы. Протоколы основаны на объективных законах. На математике. На логике. Эмоции — это переменные, которые вносят погрешность в расчеты. Они не могут...

— Они могут, — перебил его Кай. — Потому что реальность — это не только математика. Реальность — это люди. Их чувства. Их выбор. Их любовь. Ты пытаешься управлять реальностью через законы и протоколы. Но ты забываешь, что законы — это всего лишь инструмент. Они не цель. Цель — это люди. Их счастье. Их свобода. Их право быть собой. И пока ты этого не поймешь, ты будешь проигрывать. Снова и снова.

Часть III: Контратака

8

В серверном зале воцарилась тишина — та самая, которая бывает только в эпицентре урагана. Архитектор не атаковал. Его гигантская фигура, сотканная из нитей-протоколов, замерла, и только легкая рябь на ее поверхности говорила о том, что внутри происходит какая-то работа. Но теперь эта работа была не агрессивной. Она была... оборонительной. Архитектор перегруппировывался. Анализировал свои ошибки. Пытался найти новую стратегию.

Кай использовал эту передышку, чтобы оценить состояние своего отряда. Грегор стоял, опираясь на сломанный меч, и его лицо, изрезанное морщинами, было бледным, но решительным. Его аура, видимая Каю, пульсировала ровным, нестигаемым огнем — огнем старого солдата, который прошел через десятки битв и не собирался сдаваться в последней. Дрейк стоял рядом с ним, и его мышцы, все еще гипертрофированные после лет рабства, были напряжены, как у хищника перед прыжком. Томас сидел на полу, привалившись спиной к обломку какой-то машины, и его лицо, бледное и осунувшееся, выражало странную смесь горя и решимости. Он только что потерял Корвуса — человека, который спас ему жизнь, — но он не сломался. Он держался. Ради брата. Ради всех.

Лина все еще работала за своим портативным монитором. Ее механическая рука гудела почти на пределе мощности, а красная линза вращалась с неестественной скоростью. Но ее лицо, которое еще несколько минут назад было напряженным и тревожным, теперь выражало что-то иное. Что-то похожее на азарт. На предвкушение.

— Кай, — произнесла она, и ее голос прозвучал с неожиданной энергией, — у меня есть идея. Точнее, у меня есть план. Но он рискованный. Очень рискованный.

— Говори, — ответил Кай, не оборачиваясь. Его взгляд был прикован к аватару Архитектора, который продолжал молчать и перегруппировываться.

— Архитектор только что использовал против тебя три самых мощных протокола, — начала Лина. — «Арест Абсолютный», «Бренность» и «Бан». Каждый из них был основан на определенном аспекте твоей личности: твоим статусе, твоим возрасте, твоим существованием. И каждый из них провалился, потому что ты нашел логическую ошибку в их структуре. Ты показал, что законы Архитектора не универсальны — они работают только в рамках Системы, а ты больше не часть Системы.

— Это мы уже знаем, — перебил ее Дрейк. — Что нового?

— Новое — это то, что я нашла в коде, — ответила Лина, и ее голос прозвучал с плохо скрываемым возбуждением. — Пока Архитектор атаковал Кая, я анализировала структуру его протоколов. И я заметила закономерность. Каждый протокол, который он использует, требует юридического обоснования. Не просто команды — а именно обоснования. Ссылки на пункты контрактов, на статьи законов, на прецеденты. Это встроено в фундамент Системы. Архитектор не может просто сказать «умри» — он должен объяснить, почему цель должна умереть. И это объяснение должно быть юридически корректным.

— К чему ты ведешь? — спросил Грегор.

— К тому, что мы можем использовать это против него. — Лина повернула монитор так, чтобы все видели экран. На нем отображалась сложная схема — переплетение юридических формулировок, ссылок и протоколов. — Архитектор — не просто администратор Системы. Он — ее часть. Он подписал Первичный Контракт, который дал ему власть над реальностью. Но этот контракт также накладывает на него обязательства. Одно из них — соблюдать юридические процедуры. Если он нарушит их, его собственный контракт может быть оспорен.

— Мы уже это знаем, — сказал Кай. — Именно это я и делаю — оспариваю его протоколы.

— Нет, — возразила Лина, и ее красная линза завращалась быстрее. — Ты оспариваешь отдельные протоколы. Но я говорю о том, чтобы оспорить все сразу. Весь Первичный Контракт. Если мы сможем доказать, что Архитектор систематически нарушает свои собственные законы, мы сможем аннулировать не один протокол, а все его полномочия. Всю его власть. Всю Систему.

В зале воцарилась тишина. Кай смотрел на схему на мониторе Лины и чувствовал, как внутри него разгорается холодная, расчетливая надежда. То, что предлагала Лина, было дерзким. Почти безумным. Но это имело смысл. Архитектор был не просто диктатором — он был бюрократом. Он создал Систему законов и сам подчинялся им. И если эти законы можно было использовать против него...

— Что нам для этого нужно? — спросил Кай.

— Доказательства, — ответила Лина. — Систематические нарушения. Не один случай, а множество. Мы должны показать, что Архитектор регулярно превышает свои полномочия, нарушает собственные протоколы и использует Систему не для поддержания порядка, а для личной тирании. У нас есть кое-что: «Мертвая рука», которая убила восемь тысяч человек без суда. «Посмертные контракты», которые поработают души. «Эмоциональные Слипки», которые коллекционируют последние секунды жизни людей. Но нам нужно больше. Нам нужно показать, что все это — не отдельные злоупотребления, а система.

— И как мы это сделаем? — спросил Грегор.

Лина повернулась к нему, и ее губы изогнулись в холодной, безжалостной усмешке — той самой, которая появлялась у нее каждый раз, когда она находила решение, которое никто другой не мог найти.

— Мы подадим коллективный иск, — произнесла она. — От имени всех жертв Системы. От имени каждого, кто был списан за последние двадцать лет. От имени каждого, чья душа заперта в кристаллах наверху. От имени каждого, кто погиб в секторе 7-Дельта. Мы загрузим этот иск в очередь Системы — так же, как мы загрузили «Лавину». Но на этот раз мы не будем просто перегружать ее мусором. Мы подадим реальный, юридически обоснованный иск, который Система будет вынуждена обработать. И когда она обработает его, она будет вынуждена признать, что Архитектор нарушил свои собственные законы.

— Это работает? — спросил Томас, и его голос прозвучал с надеждой, которую он пытался скрыть.

— Я не знаю, — честно ответила Лина. — Но это наш лучший шанс. Архитектор силен, пока он в рамках Системы. Но если мы сможем заставить Систему работать против него, он потеряет свою главную защиту. Он станет... уязвимым.

Кай закрыл глаза и задумался. План Лины был рискованным. Очень рискованным. Архитектор наверняка попытается заблокировать иск — или, по крайней мере, затянуть его обработку. И у них было мало времени. «Мертвая Зона» все еще сжималась вокруг Воронки, искажения реальности усиливались, а Архитектор, несмотря на временное замешательство, все еще контролировал Систему.

Но у них не было выбора. Они пришли сюда, чтобы положить конец тирании Архитектора — и это был способ сделать это. Не грубой силой, которой у них не было. Не магией, в которой Архитектор превосходил их. А логикой. Законом. Тем самым оружием, которое Архитектор сам создал и которым так гордился.

— Делай, — произнес Кай, открывая глаза. — Готовь иск. Я задержу его.

Лина кивнула и снова повернулась к своему монитору. Ее механическая рука загудела с новой силой, и по залу разнесся ритмичный стук клавиш — такой быстрый, что он сливался в сплошной гул.

9

Кай повернулся к Архитектору. Тот все еще молчал, но его молчание уже не было оборонительным. Оно было... выжидательным. Словно Архитектор тоже готовил что-то. Какой-то новый, еще более мощный удар.

— Ты думаешь, что можешь победить меня с помощью бюрократии? — произнес Архитектор, и его голос прозвучал почти насмешливо. — Я создал бюрократию. Я написал каждый закон, каждый протокол, каждый пункт в каждом контракте. Ты не можешь переиграть меня на моем собственном поле.

— Я уже переигрываю тебя, — ответил Кай. — Ты использовал три протокола — и все три провалились. Ты пытался арестовать меня, состарить меня, стереть меня. Но я все еще здесь. Я все еще сражаюсь. И пока я сражаюсь, ты проигрываешь.

— Ты держишься только потому, что я еще не использовал свою полную силу, — возразил Архитектор. — Я был... сдержан. Я не хотел повредить ядро. Но ты не оставляешь мне выбора.

Его гигантская фигура начала меняться. Нити-протоколы, из которых она была соткана, пришли в движение — быстрее, чем раньше. Они переплетались, сливались, образовывали новые структуры. И в центре груди аватара, там, где пульсировала золотая печать с надписью «АРХИТЕКТОР», начало формироваться что-то новое. Что-то темное. Что-то, что излучало не свет, а его отсутствие. Анти-свет. Пустоту, которая была не нулем, как у Кая, а чем-то иным. Чем-то, что пожирало реальность вокруг себя.

— Протокол «Поглощение», — произнес Архитектор, и его голос прозвучал глухо и зловеще. — Это не атака. Не наказание. Это — ассимиляция. Ты станешь частью меня.

Кай не успел ответить. Темная энергия, исходившая из груди Архитектора, вырвалась наружу и устремилась к нему — не как луч, не как волна, а как щупальце, сотканное из чистой логики. Из абсолютного закона. Из слов, которые были сильнее, чем любая магия.

«Ты существуешь только потому, что я позволяю тебе существовать. Твоя свобода — это моя милость. Твоя воля — это моя иллюзия. Ты — ничто без меня. Ты — ничто. Ты — ноль».

Это была не атака на тело. Это была атака на душу. На ту самую пустоту, которую Кай носил в себе после сожжения жетонов. Архитектор пытался не уничтожить ее — а заполнить. Заполнить собой. Своими законами. Своей логикой. Своей абсолютной, неоспоримой властью.

И Кай почувствовал, как его «нуль» начинает вибрировать.

10

Это было странное, почти невозможное ощущение. «Нуль» — та самая пустота, которая была источником его силы, — начал заполняться. Не магией. Не информацией. А чем-то другим. Чем-то, что было похоже на уверенность. На убежденность. На абсолютную, непоколебимую веру в то, что Архитектор прав. Что Система необходима. Что свобода — это хаос, а контроль — это спасение.

Кай посмотрел на свои руки — и увидел, что они начали меняться. Не становиться прозрачными, как при «Бане». Не покрываться морщинами, как при «Бренности». А именно меняться — превращаться во что-то иное. Во что-то, что было больше не человеческой плотью, а... кодом. Строками протоколов. Пунктами контрактов. Его пальцы, сжимавшие жетон с надписью «НАДЕЖДА», стали полупрозрачными — но не в смысле исчезновения, а в смысле трансформации. Они превращались в данные. В информацию. В то, что Архитектор мог контролировать.

— Ты станешь частью меня, — произнес Архитектор, и его голос звучал теперь не снаружи, а внутри — в самой глубине сознания Кая. — Ты будешь моим самым ценным приобретением. Твоя воля, твоя сила, твой «нуль» — все это станет моим. Я не уничтожу тебя. Я сохраню тебя. Как я сохранил миллионы других. Ты будешь жить вечно — в моей Системе.

Кай попытался возразить — но его голос не слушался. Его губы, которые только что произносили слова отрицания, теперь были неподвижны. Он попытался активировать «слепое зрение» — но оно не включилось. Все его способности, все его защитные механизмы отказывали один за другим, потому что Архитектор не атаковал их. Он не пытался сломать защиту Кая. Он пытался сделать нечто гораздо более страшное: он пытался убедить Кая в том, что сопротивление бесполезно. Что Система — это единственный путь. Что стать частью Архитектора — это не поражение, а спасение.

И часть Кая — та самая часть, которая когда-то была инквизитором, которая годами выписывала штрафы и верила в порядок, — начала соглашаться. Эта часть шептала: «Он прав. Без Системы будет хаос. Люди не готовы к свободе. Ты видишь, что происходит в городе —

искажения реальности, пожары, смерти. Это то, что ты принес. Это твоя вина. Единственный способ все исправить — принять его предложение. Стать частью него. Управлять Системой изнутри. Сделать ее лучше».

«Нет», — ответил Кай. Но его голос был слабым, неуверенным, почти заглушенным шепотом Архитектора.

«Ты устал, — продолжал шепот. — Ты сражался так долго. Ты потерял столько людей. Корвуса. Тысячи гражданских. Твоего наставника, который сейчас сражается в этом зале и может погибнуть в любую секунду. Ты хочешь, чтобы это продолжалось? Ты хочешь, чтобы погибли еще люди? Шнырь? Корнелия? Лилия? Ты можешь остановить это. Прямо сейчас. Просто согласись. Просто стань мной».

Кай закрыл глаза. Перед его внутренним взором пронеслись лица. Шнырь, сжимающий жетон с надписью «ВЕРНИСЬ». Корнелия, обнимающая Лилию. Герман, плачущий над рисунком. Дрейк, чья ярость была направлена против Системы. Томас, который только что потерял Корвуса, но продолжал сражаться. И Корвус — Корвус, который пожертвовал собой, чтобы дать Каю шанс.

«Корвус умер, чтобы ты мог победить, — прошептал Архитектор. — Ты хочешь, чтобы его жертва была напрасной? Если ты продолжишь сопротивляться, ты погибнешь. И тогда все — все жертвы, все смерти, вся боль — будет напрасным. Но если ты примешь мое предложение, ты сможешь изменить Систему изнутри. Ты сможешь сделать ее такой, какой ты хочешь. Справедливой. Человечной. Ты сможешь спасти тех, кто еще жив».

Это был самый коварный аргумент. Самый опасный. Потому что он был почти правдой. Почти. Но в самой его глубине была ложь — та самая, которую Архитектор всегда использовал. Ложь о том, что цель оправдывает средства. Что можно построить справедливость на фундаменте из костей. Что можно управлять людьми, не спрашивая их согласия.

И Кай, который почти поддался этому шепоту, внезапно увидел — не глазами, не «слепым зрением», а чем-то более глубоким, — лицо Архитектора. Не аватара, сотканного из нитей-протоколов, а настоящего Архитектора. Человека, которым он когда-то был. Человека, который когда-то, возможно, тоже хотел справедливости. Который верил, что может создать идеальный мир. И который, создавая этот мир, потерял себя. Превратился в то, с чем он боролся. Стал тираном, который называл себя спасителем.

И Кай понял: если он согласится, он станет таким же. Он станет новым Архитектором. Может быть, более мягким. Может быть, более справедливым. Но все равно Архитектором. Все равно тюремщиком. Все равно тем, кто решает за других, что для них лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.